

Наркоконтрольный выстрел

 [Лев Левинсон](#) (в блоге [Свободное место](#)) 16.12.2013

11 декабря в Общественной палате состоялось обсуждение проекта федерального закона «Об органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ». Документ подготовлен Федеральной службой по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) - и посвящен ей самой.

В принципе наркоконтроль уже десять лет работает без специального закона, регламентирующего его деятельность, и чувствует себя неплохо. Участие органов наркоконтроля в производстве по уголовным и административным делам, а также в оперативно-розыскной деятельности давно закреплено в УПК, КоАП, законе об ОРД. Полномочия по контролю законного оборота, лицензированию и т.п. включены в закон о наркотических средствах. Структура службы утверждена указом президента. А что права и обязанности органов наркополиции и их сотрудников нигде не определены — так это, похоже, не так уж ей и мешает. В мутной воде лучше ловится. Закон ведь, как любая форма, всегда жмет, стесняет движения. А наркоконтролеры, в отличие от полиции, предпочитают ходить в штатском.

Лакуны и зазоры, имеющиеся из-за отсутствия закона, дают даже важные преимущества. Например, помещения, куда наркоконтроль доставляет задержанных и где их содержит. Что это за помещения? Их нет. В законодательстве их нет. Право же задерживать — по УПК и КоАП — у ФСКН есть. Куда же девать наркополиции своих задержанных — не в полицию же (хотя по закону именно так)? В эти незаконные места для задержанных не ступает нога никакой наблюдательной комиссии. Ликвидировать их никакому прокурору не по зубам, и нарушений найти нельзя — нечего нарушать.

И все же, хотя таких удобств от отсутствия закона немало, что это за служба без закона? Как-то недостаточно респектабельно. У полиции есть закон «О полиции», у судебных приставов есть, даже у фельдъегерской службы, само собой у ФСБ, один наркоконтроль без закона. А значит, и генералы в нем какие-то ненастоящие.

Этот закон в ФСКН десять лет пишут. И все не выходит. Первая (по сложности) задача — протащить его через Минфин, как груженный сверх меры провиантский обоз. Мало того, что зарплаты у наркополицейских повыше, чем у полиции. Так за это время наркоконтроль без всякого закона организовал себе кучу надбавок, компенсаций и других выплат — за сложность, за опасность, за добросовестное выполнение служебных обязанностей, за качество выполняемых работ, за особые условия, за особые достижения, за выполнение особо важных и сложных заданий, за выполнение задач, связанных с риском, за отличия в службе, за допуск к гостайне, за безаварийную эксплуатацию автомобиля...

Под эти деньги нужны оправдывающие их полномочия. Отсюда задача номер два: набрать максимум полномочий и под них особые права. Причем прав получить ФСКН хочет больше, чем имеет сейчас. Помимо того, чем наркоконтроль уже пользуется по существующим законам, и сверх того, чем он пользуется явочным порядком без всяких законов (например, не имея на то права, доставляет граждан на освидетельствование), он пытается распространить свою компетенцию как можно шире: на институты и отношения, которые голыми руками, без закона, не возьмешь. Чтобы получить спецполномочия, ФСКН проталкивает этот закон.

Конечно же, МВД от этих идей не в восторге. Да и в кабинетах на Старой площади сидят не только поклонники ФСКН. В результате закона нет. Но, похоже, руководство службы рассчитывает, что потребность властей в специальных полицейских услугах будет только возрастать. И ликвидировать органы наркоконтроля в ближайшее время вряд ли решатся - ведь для этого надо их во что-то преобразовать. Не назад же, в налоговую полицию. Разве что в полицию нравов или святую инквизицию: от борьбы с веселящими газами и звуковыми наркотиками до изгнания бесов не так уж далеко.

На обсуждении в Общественной палате наркополицейские начальники говорили, что предлагаемое законопроектом расширение полномочий их ведомства касается прежде всего международного сотрудничества, взаимодействия со спецслужбами других государств — все в духе любимого директором

Виктором Ивановым афганского героина (послушаешь его — так все силы наркополиции стянуты к афганской границе). Не знаю как Минфин, но правозащитники не только не против концентрации усилий наркоконтроля на пресечении крупного наркотрафика, но и предлагают именно это - переориентировать ФСКН исключительно на противодействие системному наркобизнесу, в том числе трансграничному.

Но полномочия, которых требует ФСКН, вовсе не ограничиваются сферой борьбы с угрозами извне. Если такой закон будет принят, наркополиция сильно раздвинет пределы своего вмешательства в частную жизнь и хозяйственную деятельность. Именно против этих притязаний наркоконтроля мы выступали на заседании в Общественной палате. А чтобы ФСКН не козыряла потом согласованием с правозащитниками, мы распространили заявление с категорическим требованием не вносить этот законопроект в Государственную думу. Оно подписано всеми инициаторами слушаний - Львом Пономаревым («За права человека»), Валентином Гефтером и Львом Левинсоном (Институт прав человека), Олегом Зыковым (Институт наркологического здоровья нации), судебным экспертом Дмитрием Гладышевым, адвокатами Эдуардом Капчакаевым и Валерием Шухардиным.

Многие полномочия органов наркоконтроля, содержащиеся в проекте, вызывают возражения - из-за их чрезмерности, юридической неопределенности и коррупциогенности. Вплоть до того, что в перечень прав сотрудников авторы проекта на голубом глазу добавляют «иные права», что превращает их творение в известное «закон что дышло, как повернешь, так и вышло».

Наркополиция хочет: осуществлять медицинское освидетельствование граждан (сейчас это делают врачи), осматривать любые земельные участки, в том числе принадлежащие гражданам (под предлогом «а не растет ли тут конопля»), *«объявлять физическому лицу обязательное для исполнения официальное предостережение о недопустимости деяний, создающих условия для совершения преступлений, отнесенных к подследственности органов наркоконтроля».*

Остановимся на последнем. Даже полиция не наделена таким правом, хотя круг ее ответственности в борьбе с преступностью по определению шире. И что такое «деяния, создающие условия для совершения преступлений»? Закон об этом умалчивает, потому что язык законодательства неспособен выразить то, что под этим подразумевается (будет подразумеваться, если законопроект станет законом): не ту музыку слушаешь, не те штаны носишь, дреды распустил... Или бросил работу, подался в сектанты, не спишь по ночам? «Сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст».

Каковы признаки этих «деяний», за которые наркоконтролеры собираются выносить предостережения? Это, понятно, не преступления. И не правонарушения - за них есть ответственность по КоАП и не предусмотрено никаких предостережений.

Признавая некие действия «деяниями, создающими условия» — и записывая это не в монографии, а в норме закона, — законодатели по сути утверждают еще одну категорию запрещенных действий: не преступления, не правонарушения, а неправильное поведение. Понятно, что «на земле», в райотделе такие предупреждения будут раздаваться не для коррекции уклоняющегося поведения, а для давления на людей, принуждения к «добровольному сотрудничеству», выдавливания денег. Появятся досье, списки предостереженных, базы. С другого конца, «предостерегать» смогут соседей, дворников, консьержек, стимулировать стукачество. Майоры наркоконтроля станут непрошеными домашними психоаналитиками и будут решать, что с человеком сделать, чтобы он не стал на путь наркопреступления.

Такую же злонамеренную неопределенность имеет заложенная в проект как одно из основных направлений деятельности ФСКН *«организация выявления веществ, обладающих воздействием на организм человека, схожим с наркотическим или психотропным, и приостановления их оборота на территории Российской Федерации».* Выявлять проникающие на рынок новые «дизайнерские наркотики» или лекарства, используемые в немедицинских целях безусловно следует. А по выявлении ничто не мешает, как сейчас и происходит по несколько раз в год, включать их правительственным постановлением в Перечень наркотических средств и психотропных веществ или, если они опасны не во всех отношениях, а просто опасны, — в Список сильнодействующих веществ.

Но ФСКН хлопчет о третьем списке, собственном. Хитрость в том, что это будут не запрещенные, а временно (но на неопределенный срок) "приостановленные" вещества. Формально они не будут считаться наркотиками. Но приостановление есть форма запрета, нарушение запрета повлечет за собой санкции, а дальше по наезженной: за грубые нарушения наказание строже, за неоднократные еще строже, затем появятся «списки прекурсоров веществ, оборот которых приостановлен», ответственность

за их пропаганду и т.п. Главное же здесь то, что право выявлять в сочетании с правом приостанавливать и вытекающим из этого правом выявлять приостановленное в других местах открывает наркоконтролю все двери — и станет ФСКН владычицей морскою, и не только морскою, но будет повелевать всеми веществами, образующими материальный мир, налагая железную длань на их сомнительное круговращение.

Было бы верхом наивности верить, что речь идет только о модификациях «спайсов» и прочей лабораторной синтетики. Такое ограничительное толкование ни из закона, ни из самой идеи не следует. Тем более что пресловутые слегка измененные формулы и якобы легальные курительные смеси и сегодня признаются в судах аналогами или производными, за оборот которых наступает такая же ответственность, что и за действия с наркотиками, чьими аналогами или производными они являются. Жалуясь журналистам на отсутствие юридических средств борьбы с видоизменяющимися веществами, требуя особых полномочий, руководство ФСКН лукавит - за эти самые производные и аналоги сажают еще как, вплоть до пожизненного.

Приостановление нужно им не для разгрома подпольных лабораторий, а для безграничного расширения подконтрольного пространства (грибники, зеленщики, хлебопеки, владельцы заводов, газет, пароходов...). Конечно, пока у кормила службы стоит Виктор Иванов, люди мирных профессий могут спать относительно спокойно. Но что если завтра на смену ему придет, держа петрушку кучерявую за вихор, академик Онищенко? Кто его остановит, когда от его приостановления будет зависеть не какое-то благополучие потребителя, а спасение нации?

Не надо доводить до абсурда? Но власть всегда готова дойти до абсурда, чтобы поставить человека под контроль. Разве не наркоконтроль привлекал ветеринаров за сбыт кетамина кошкам, находил пропаганду наркотиков в изображении конопля на ременных пряжках? Разве не абсурд, когда владельцы магазинчика в Армавире продают кондитерский мак в фабричной московской упаковке и становятся «организованной преступной группой наркоторговцев»? И не абсурд ли, что отчетность наркополиции по изъятым наркотикам держится на десятках тонн кондитерского мака, ничем не отличающегося от лежащего на прилавках? И не абсурд ли, а точнее, не кошмар ли геройская статистика о десятках тысяч раскрытых тяжких и особо тяжких преступлений, основанная на серийных проверочных закупках (зачастую являющихся провокациями), которую Верховный суд оценил решительней, чем правозащитники: *«не предпринимая мер к установлению источника поставки наркотического средства, сотрудники правоохранительных органов фактически предоставляли возможность сбытчикам наркотических средств длительное время заниматься преступной деятельностью, что никак не свидетельствует о выполнении лицами, уполномоченными осуществлять оперативно-розыскную деятельность, возложенных на них задач по предупреждению и пресечению преступлений»* (из Обзора судебной практики, утвержденного Президиумом ВС РФ 27 июня 2012 года).

P.S. На круглом столе в ОП готовился выступить уполномоченный по правам человека Владимир Лукин, но этому помешала срочная командировка. См. [тезисы его выступления](#).